

Глава 8. Ночь в поместье принца Луаня

Бянь Му заметил Юйчи Гана в толпе. Юноша застыл, не сводя с него глаз, но не решаясь сделать и шага.

— Малыш, — снова позвал Бянь Му, — подойди-ка сюда.

Лишь тогда Юйчи Ган медленно, нерешительно двинулся навстречу принцу.

Окружающие провожали парня тревожными взглядами. Все до смерти боялись, что его давешний танец не угодил хозяину поместья и теперь над беднягой разразится монарший гнев.

— Замерз? — негромко спросил Бянь Му. Забрав из рук стоявшего рядом Ча Су тяжелый плащ, он бережно набросил его на плечи юноши.

Юйчи Ган не нашел слов. Он лишь преданно смотрел снизу вверх на своего господина.

Суровое, обычно безучастное лицо принца сейчас казалось юноше воплощением тихой, скрытой нежности.

— Если холодно, ступай к себе, — распорядился Бянь Му. — Как только освобожусь, я сам тебя навещу.

Договорив, он резко развернулся и ушел прочь.

Старейшина Дин и остальные артисты застыли в немом изумлении. Видя грозную осанку принца и его ледяное лицо, они мысленно приготовились к худшему — думали, правитель явился учинить разнос. Кто бы мог помыслить, что суровый владыка лично принесет юноше теплую одежду?

В этот миг Старейшина Дин впервые подумал, что слова воспитанника — не пустая блажь. Быть может, принц Луань и впрямь не был тем безжалостным чудовищем, каким его рисовала пугающая молва.

— Вэй-гээр! Принц тебя не отругал?

— Вэй-гээр, о чем вы говорили?

— Он не грозил тебе наказанием?

Вопросы посыпались со всех сторон, едва юноша вернулся к своим. Товарищи обступили его

плотным кольцом, наперебой выказывая беспокойство.

— Да нет же, с чего ему злиться? — улыбнулся Юйчи Ган, поплотнее кутаясь в теплый плащ. — Его Высочество сказал, что мы выступили просто великолепно.

— Неужели правда? — недоверчиво охнули артисты. До сих пор принц во время их представлений сидел с таким мрачным и неприступным видом, что у всех кровь стыла в жилах.

— Конечно правда! Стал бы я вам врать?

Не успел Юйчи Ган перевести дух, как к ним приблизился Ча Су.

— Его Высочество ждет тебя в своем кабинете, — негромко произнес гвардеец.

Все взгляды тут же вновь скрестились на юноше.

— В кабинете? — растерялся Юйчи Ган.

Эта новость по-настоящему его ошеломила. Кабинет принца был святая святых, местом, где решались самые важные государственные дела. В своей прошлой жизни парень удостоился чести переступить его порог от силы раза два или три. Бянь Му ревностно оберегал свои тайны, к тому же сам не любил проводить там много времени без крайней нужды — слишком много важных бумаг и секретных донесений хранилось за этими дверями.

— Иди за мной, — бросил Ча Су и развернулся.

Юноша покорно зашагал следом.

Великокняжеский плащ оказался слишком велик для невысокого юноши — тяжелый подол волочился по земле, путаясь в ногах и заставляя то и дело семенить. Ча Су, однако, не выказывал нетерпения. Пройдя немного, он обернулся, заметил, как тяжело приходится его спутнику, и молча сбавил шаг, подстраиваясь под его неторопливый темп.

Ступая по знакомым дорожкам, Юйчи Ган ловил себя на мысли, что помнит здесь каждый камень, каждую плиту под ногами. Память тела подсказывала, где тропа идет под уклон, а где в темноте скрываются неприметные ступени.

Наконец они остановились у дверей кабинета. Ча Су бесшумно приоткрыл тяжелую створку, пропуская гостя внутрь, и так же тихо удалился, оставив его одного.

Стоило сделать шаг за порог, как лицо обдало ласковым домашним теплом. Посреди комнаты

уютно потрескивала жаровня, которую, судя по всему, разожгли совсем недавно. Но куда больше внимания привлекал накрытый стол, ломившийся от изысканных, дымящихся яств.

За весь день Юйчи Ган маковой росинки во рту не видел — лишь ранним утром наспех перекусил в чайной. От дразнящих ароматов, заполнивших комнату, у него сладко заныло под ложечкой, а рот наполнился слюной.

И все же юноша не посмел прикоснуться к еде.

Блюда исходили легким паром, их явно принесли буквально только что. И за этой заботой, без сомнения, стоял не кто иной, как сам принц Луань. На столе лежала лишь одна пара палочек для еды.

Юйчи Ган опустил на стул, привалился грудью к краю стола и, глядя на это гастрономическое великолепие, тихо, счастливо улыбнулся.

«Его Высочество все еще любит меня. Все еще заботится...»

В тепле озноб наконец отступил, уступив место непреодолимой усталости. Юноша уложил голову на сложенные перед собой руки. Разглядывая тарелки, он сам не заметил, как глаза закрылись, и он провалился в глубокий сон без сновидений.

Сколько прошло времени, он не знал. Из сонной неги его вырвал знакомый, низкий голос Бянь Му:

— Малыш... Эй, просыпайся.

Юноша распахнул глаза и вздрогнул, обнаружив, что принц стоит у самого стола и пристально на него смотрит.

— Ваше... Ваше Высочество! — Юйчи Ган поспешно вскочил, отчего тяжелый плащ соскользнул с его плеч и бесформенной грудой опал на пол.

— Почему ты ничего не тронул? — недовольно спросил Бянь Му. — Всё же остыло.

Юноша понуро опустил голову и бросил взгляд на стол — посуда была пуста, остывшую еду успели унести слуги. В кабинете заметно посвежело: обернувшись, он обнаружил, что жаровню тоже куда-то уволокли.

— Я... я просто хотел дождаться Вашего Высочества, чтобы разделить трапезу вместе... — едва слышно пролепетал он.

— Потерпи немного, я уже велел подать все горячим, — отозвался Бянь Му.

Он неторопливо снял собственный плащ, затем нагнулся, поднял с пола брошенную накидку юноши и аккуратно повесил их оба на деревянную стойку у стены. После этого он прошествовал к своему рабочему столу и опустился в глубокое кресло.

Юйчи Ган продолжал стоять посреди комнаты, завороченно глядя на мужчину за столом. На мгновение ему показалось, будто время повернуло вспять и они снова вернулись в те далекие, благословенные дни. Тогда он точно так же тихонько напевал себе под нос, занимаясь какими-то мелочами, а Бянь Му сосредоточенно листал свитки и книги. Разве что в ту пору они делили не строгий рабочий кабинет, а уютные комнаты во внутренних покоях усадьбы.

— Чего застыл? Садись, — не поднимая глаз от бумаг, бросил принц.

— Слушаюсь, — тихо ответил юноша, но взгляд его по-прежнему оставался прикован к хозяину дома.

Вскоре тишину нарушил шорох шагов — в кабинет чинно вошли слуги, неся на подносах новые, пышущие жаром тарелки взамен прежних.

— Ну, принимайся за еду, — произнес Бянь Му, поднимаясь из-за рабочего стола и занимая место прямо напротив Юйчи Гана.

— Благодарю, Ваше Высочество, — послушно отозвался юноша.

Принц лично потянулся к кувшину и наполнил вином маленькую чарку Юйчи Гана.

— Твой наставник и остальные артисты уже вернулись на постоянный двор. Ты сегодня останешься в поместье.

— Как прикажете, — смиренно согласился тот.

— Сначала поешь, глупый мальчишка, — мягко остановил его Бянь Му, заметив, что юноша сразу потянулся к алкоголю на пустой желудок.

Чарка уже коснулась губ Юйчи Гана, но под строгим взглядом принца он послушно опустил руку, возвращая ее на стол.

Бянь Му аккуратно подцепил палочками самый нежный кусочек мяса и положил в его пиалу.

— Ваше Высочество, сегодня... — начал было Юйчи Ган.

— Разве ты сам не говорил мне, что с тобой всегда можно разделить кувшин-другой вина? — перебил его принц. Лицо его при этом оставалось совершенно бесстрастным, словно маска.

Юноша на мгновение опешил.

— Да... — растерянно вымолвил он.

Уткнувшись в пиалу, Юйчи Ган лихорадочно пытался вспомнить: неужели он действительно сболтнул нечто подобное? Вроде бы нет, память его не подводила. Он украдкой взглянул на Бянь Му. Принц тем временем пил — сосредоточенно, молча, одну чарку за другой, словно искал в вине забвения.

— Ваше Высочество...

— Поменьше болтай. Ешь, — оборвал его Бянь Му.

Юйчи Гану ничего не оставалось, кроме как молча уткнуться в свою пиалу с рисом. Однако его взгляд то и дело возвращался к сидящему напротив мужчине. Принц пил безостановочно, методично опустошая чашу за чашей, словно не замечая вкуса дорогого напитка.

— Ваше Высочество, прошу вас, не нужно больше пить, — наконец не выдержал юноша.

Принц даже ухом не повел, будто говорил не живой человек, а пустое место. Он хладнокровно потянулся к кувшину, чтобы вновь наполнить чарку. Первый сосуд уже давно опустел, и Бянь Му принялся за второй.

Юйчи Ган глубоко, прерывисто вздохнул. Поборов минутную робость, он резко поднялся со своего места, протянул руку и бесцеремонно вырвал чарку прямо из пальцев великого князя.

— Ваше Высочество! Вам нельзя больше пить! — воскликнул он. От волнения и собственной дерзости он тяжело дышал.

Когда Бянь Му медленно поднял на него тяжелый взгляд, Юйчи Ган мысленно простился с жизнью. За подобную наглость в поместье принца Луаня карали нещадно.

Однако вопреки всем ожиданиям принц вдруг негромко, хрипло рассмеялся.

— А ты забавный малый, — с мягкой усмешкой протянул Бянь Му. — Садись. Не буду я больше пить.

— Обещаете? — с надеждой переспросил юноша.

Принц лишь молча кивнул, все еще едва заметно улыбаясь. Юйчи Ган медленно опустился обратно на стул, по-прежнему крепко сжимая в ладони чужую чарку.

— А теперь скажи мне, глупый мальчишка... — Бянь Му неторопливо потянулся к лежащему на краю стола вееру и легонько коснулся груди юноши кончиком его. Мгновение назад улыбавшееся лицо принца внезапно заледенело, вновь превратившись в неприступную маску величия. — Кто дал тебе право отнимать чашу у своего повелителя?

Юйчи Ган замер, не смея пошевелиться. Сердце в груди заколотилось как сумасшедшее, готовое вот-вот пробить ребра.

Принц внимательно взгляделся в бледное, перепуганное лицо юноши и вдруг тихо, беззлобно усмехнулся.

— Странно... — едва слышно, словно обращаясь к самому себе, прошептал Бянь Му. — И почему рядом с тобой мне становится так спокойно?..

Он произнес это совсем тихо, но в притихшем кабинете Юйчи Ган расслышал каждое слово. Сердце пропустило удар, а он робко, едва заметно улыбнулся.

— Ладно, заканчивай с ужином и ступай в боковой флигель, там для тебя все готово, — распорядился принц.

Но стоило ему поднять глаза и наткнуться на счастливую, сияющую улыбку Юйчи Гана, как Бянь Му вдруг смутился. Он поспешно поднялся со своего места.

— Ешь один. Мне пора.

Слова прозвучали сухо и резко. Улыбка мгновенно сползла с лица юноши, уступив место растерянности.

— Но... Ваше Высочество, вы же совсем ничего не поели... — растерянно пробормотал Юйчи Ган, глядя на ломящийся от нетронутых яств стол. Сам он успел сделать лишь пару глотков, а принц и вовсе не прикоснулся к еде.

— Я не голоден, — отрезал Бянь Му.

Развернувшись, он стремительным шагом покинул кабинет, оставив юношу наедине со своими смятенными мыслями.

Юйчи Ган не стал задерживаться в опустевшем кабинете. Задув свечи, он наощупь пробрался по темным коридорам к отведенной ему боковой комнате.

Тем временем Бянь Му уже находился в своих личных покоях во внутренней части усадьбы.

«И надо же было ему услышать...» — сокрушался принц, но в мыслях его то и дело всплывало сияющее лицо Юйчи Гана.

«Наверняка расслышал мое бормотание, оттого так доволен и улыбался».

Бянь Му ворчал себе под нос, но на губах его играла мягкая, невольная усмешка.

«И в кого он такой ушастый удался?»

В этот момент тишину спальни нарушило требовательное урчание в животе. Весь день принц не держал во рту и маковой росинки, зато успел влить в себя изрядное количество крепкого вина. Теперь в желудке разливался неприятный, жгучий холод.

— Ча Су! — негромко позвал он в темноту за дверью. — Принеси чего-нибудь перекусить.

Тем временем во флигеле Юйчи Ган ворочался на постели, тщетно пытаясь унять тревогу.

«Неужели Его Высочество все-таки рассердился на мою дерзость? Но он ведь ушел совершенно голодным... Неужели ляжет спать на пустой желудок?»

Юноша никак не мог взять в толк, почему принц так внезапно сбежал.

«Сначала говорит, что рядом со мной ему становится спокойно на душе, а в следующий миг разворачивается и уходит... О чем только думает этот человек?»

Он лежал на широкой кровати, уставившись в темный потолок. Флигель к его приходу успели тщательно прибрать — здесь стало куда чище и уютнее, появилось множество новых изящных вещей.

В воздухе разливался тонкий, едва уловимый аромат благовоний. Бянь Му всегда отдавал предпочтение именно этому сорту. В прошлой жизни Юйчи Ган вдыхал его годами, пока и сам не привык окуривать свои покои тем же успокаивающим дымом.

И вот теперь этот запах вновь окружил его, навевая щемящее чувство дежавю.

«Запах Его Высочества...»

Юноша уткнулся лицом в мягкую подушку, вдыхая родной аромат, и сильнее прижал ее к себе.

Сказалась ли накопившаяся за день нечеловеческая усталость, или же благовония возымели свое действие, но вскоре Юйчи Ган погрузился в глубокий, мирный сон.

Ему приснился странный, удивительно яркий сон. В нем не было ни дворцовых интриг, ни войн, ни пышных приемов. Они с Бянь Му — простые крестьяне — бок о бок трудились на бескрайнем золотистом поле, взрыхляя теплую, податливую землю.

Когда утренние лучи солнца коснулись его лица, Юйчи Ган открыл глаза, но сон не пожелал растаять без следа. Юноша помнил каждую его деталь, каждый взмах плуга и тепло чужой руки так отчетливо, словно все это происходило с ним наяву.

— Ну надо же... — тихонько хмыкнул он, садясь на постели и ероша растрепанные волосы. — Принц Луань — и за плугом в поле? Ну и чепуха лезет в голову.

Едва Юйчи Ган переступил порог флигеля, как нос к носу столкнулся с Ча Су, преданно дежурившим у дверей.

— Его Высочество приказал доставить тебя обратно, — ровным тоном произнес гвардеец.

— Хорошо, — кивнул юноша.

Ча Су лично правил повозкой, быстро и без лишней тряски доставив Юйчи Гана к дверям Башни Хайхуа.

Старейшина Дин не сомкнул глаз всю ночь. С той самой секунды, как Ча Су увел его воспитанника за ворота усадьбы, сердце старика обливалось кровью от тревоги.

— На колени! — громовой голос Старейшины Дина заставил Юйчи Гана вздрогнуть, едва тот переступил порог Башни Хайхуа. Наставник сидел у самого входа, лицо его осунулось и потемнело от пережитого страха.

Юноше не нужно было ничего объяснять — он сразу все понял.

— Учитель... — виновато прошептал Юйчи Ган и послушно опустился на колени перед разгневанным стариком.

— Почему ты остался там на всю ночь?! — вскричал Старейшина Дин, и в его голосе прорезались слезы. — Ты хоть представляешь, что я здесь пережил?! Каково мне было?!

— Простите меня, учитель... — Юйчи Ган раскаянно склонил голову.

— Этот... этот князь ничего с тобой не сделал? Ты не ранен? Живой? — Гнев наставника мгновенно уступил место искренней, щемящей тревоге за жизнь названного сына. Старик суетливо приподнял юношу с колен и принялся лихорадочно осматривать его со всех сторон, ощупывая плечи и проверяя, нет ли скрытых ран.

— Ну что вы, учитель, со мной все в полном порядке, правда, — мягко перехватил его дрожащие руки Юйчи Ган. — Вчера в кабинете Его Высочества меня просто сморил сон. А когда я открыл глаза, вы все уже ушли... Учитель, принц действительно очень добр ко мне. Он вчера приказал накрыть для меня целый стол, полный вкуснейших яств.

Юноша не пытался оправдаться. Единственное, чего он искренне желал — это чтобы старый наставник наконец перестал видеть в Бянь Му смертельную угрозу и хотя бы немного смягчил свое отношение к нему.

Старейшина Дин медленно прикрыл глаза, погрузившись в тяжелое молчание. Но на его иссеченном морщинами лице отразилось такое колоссальное, осязаемое облегчение, что любые слова были излишни. Огромный камень наконец скатился с его души.

— Ступай к себе... — хрипло выдохнул старик, отворачиваясь, чтобы скрыть влажные глаза. — Возвращайся в свою каморку под крышей и хорошенько отдохни.

Юйчи Ган поднялся на ноги и низко поклонился учителю в пояс.

— Еще раз простите меня, наставник. За то, что заставил вас так сильно волноваться.

Договорив, парень развернулся и легким вихрем взлетел по крутой лестнице на верхний этаж Башни Хайхуа.

Старейшина Дин остался стоять в полутемном холле, задумчиво глядя вслед ушедшему юноше. В глубине души он отчетливо понимал: чувства Юйчи Гана к этому грозному человеку зашли слишком далеко. Они переросли в ту опасную, слепую преданность, которую старый учитель был уже не в силах ни контролировать, ни тем более обуздать.

И все же сердце старика не находило покоя. Он по-прежнему не мог заставить себя поверить в искренность помыслов принца Луаня. Действительно ли великий князь питает к беззащитному юноше добрые чувства, или вся эта забота — лишь тонко сплетенная сеть?

Больше всего Старейшина Дин боялся, что суровый владыка просто использует чистое, открытое сердце его воспитанника в своих жестоких политических играх. И когда мальчик станет не нужен, его безжалостно выбросят на обочину жизни, растоптав и сломав навсегда.

<http://bllate.org/book/20438/2131700>